

Борис Седых

Прочный корпус

Записки подводника

Борис Седых

**Прочный корпус.
Записки подводника**

«Издательские решения»

Седых Б.

Прочный корпус. Записки подводника / Б. Седых —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-562223-5

Прочный корпус предназначен выдерживать забортное давление в подводном положении. И только подводное братство знает, сколько он выдержал тайн, ответственности, бурной жизни, весёлых и трагических событий. И, конечно, множество баек. Не всегда они так смешны, как обычно их рассказывают, но каждый подводник уверен, что нет ничего прочней флотской дружбы и надёжнее прочного корпуса. В этой книге Вы найдёте множество разных историй от многих подводников, но все они об одном — о море. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-562223-5

© Седых Б.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	7
Вступительное слово редактора издательства «Горизонт» Николая Каланова	8
Академики	9
Курсантские байки	12
Самодетельность	15
Фортуны повороты	17
Каламбур	20
Двум смертям не бывать	22
Один день стажировки, или Как «залететь» перед выпуском и «в награду» отправиться в кругосветку	25
Кругосветка	27
Дуплет из Макарыча	32
Контейнер	36
Край летающих собак	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Прочный корпус Записки подводника

Борис Седых

Иллюстратор Роман Акчурин

Редактор Измаил Петров

Редактор Светлана Кухарева

Корректор Татьяна Крюкова

© Борис Седых, 2024

© Роман Акчурин, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0056-2223-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Уважаемый читатель, ты открыл книгу «Прочный корпус». Это уже третья часть из серии «Записки подводника». Первые две – «Проза морской жизни» и «Море на двоих» – получили положительный отклик от читателей, эта, надеюсь, тебе также понравится. Рассказы написаны в доступной форме баек с лёгким ненавязчивым юмором.

Для несведущих название покажется странным и требует пояснений. Подводники часто вспоминают время службы как яркие, интересные годы служения Отечеству – и, отчасти в шутку, а по сути – в самую точку, говорят: «Столько лет провёл в прочном корпусе» (или: «На железе»). Подводный корабль – сложная техническая конструкция, основой которой является прочный корпус, в котором сконцентрировано высокотехнологичное оборудование и вооружение, способное стереть с лица земли целые континенты. Экипажи складываются из специалистов высокого уровня подготовки, отличаются высокой степенью психологической устойчивости, действия каждого на своём месте доведены до автоматизма. Постоянное напряжение в замкнутом пространстве и общение с постоянным кругом сослуживцев компенсируются юмором, часто своеобразным, порой грубоватым.

Собранные в книге рассказы основаны на личном опыте. Годы моей службы прошли на Краснознамённом Северном флоте, в Гремихе. Это было лучшее время, осмысленные с возрастом молодые годы. В книгу также вошли рассказы, записанные со слов моих сослуживцев и друзей, которым посчастливилось служить во времена расцвета подводного флота советских времён. Часто они написаны от первого лица, от имени матросов и до мичманов, офицеров и командиров кораблей.

У каждой короткой истории есть первоисточник, в первую очередь, подводник с опытом службы и индивидуальностью, не лишённый чувства военно-морского юмора. Выражаю сердечную благодарность за дружбу и открытость служивым, поделившимся со мной зёрнами, которые проросли законченными сюжетами в данном сборнике рассказов.

Байки на флоте рождаются исключительно на правдивой основе. Обрастают слухами, деталями и подробностями настолько, что готовый вариант ничего общего не имеет с изначальным. Что абсолютно закономерно и оправданно, потому как происходят такие метаморфозы со ставшими уже историческими событиями исключительно из-за секретности, чтоб вероятного противника запутать.

Желаю приятного прочтения.

С уважением, Борис Седых

Вступительное слово редактора издательства «Горизонт» Николая Каланова

Борис поздравляю! Ваши рассказы и очерки – это новый, добротный слой гранита на фундаменте российской маринистики. И чем он толще будет, тем крепче будут основы нашего военного и морского флота. Вы приносите в нашу флотскую литературу свои знания и опыт – а это и есть самое ценное, что можно передать будущим морякам! И они вас читают и будут читать. Ждём от вас новых книг!

*Каланов Николай Александрович,
писатель-маринист, историк, специалист по языкознанию, член Союза
писателей России, член военно-художественной студии писателей
Центрального Дома Российской армии имени М. В. Фрунзе Министерства
обороны
Российской Федерации,
лауреат Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси» 2015*

Академики

Речь пойдёт не о седовласых, наделённых опытом жизненных перипетий и, конечно, глубокими познаниями в той или иной научной области мужах, а о жизнерадостных молодых людях, облачённых в курсантскую форму.

Спусковым крючком для воспоминаний послужил ночной разговор с другом Вовой, который корни свои пустил после службы в пограничных войсках в мной любимом Калининграде.

– Получил «банан» на зимней сессии по кораблевождению (КВ). Все уехали в отпуск, а я в полной мере познаю счастье статуса «академика», – начал рассказ дружище. Вовка, нахимовский брат до скончания жизни, продолжил обучение в Калининградском высшем военно-морском училище. Артиллерист до нареза в черепной коробке, как в стволе пушки, зачем ему кораблевождение?

– Как назло, невеста из Ленинграда приехала. Выход в город закрыт, оба скучаем, и я вместо любимой крепко держу в объятьях «банан», ожесточённо скоблю, холю и лелею... Шучу, осколком стекла циклюю и надраиваю палубу на кафедре КВ.

– Всё правильно! Не хочешь работать головой, работой мышцами. Мелкая моторика развивает силу мысли, – шучу над Вовой.

– Ну да, пять дней готовился к пересдаче экзамена, стоя в коленно-локтевой позиции в пыли и стружке, пальцы все изрезал.

– Пересдал?

– А то! Рассказал, что знал, на тройку с минусом, скорее – на двойку. Знаний за пять дней не прибавилось, бонусом – усталость во всём теле и порезанные руки.

– Вова, не тяни бабушку за дедушку вместе с внучкой, досказывай.

– После моего ответа преподаватель, капитан 1 ранга, доходчиво объяснял, как важно военно-морскому офицеру знать навигацию и премудрости кораблевождения. В итоге поделился моряцким опытом: «Вот находишься ты далеко от родных берегов в море, каждое утро встречаешь восход – удивительное зрелище, завораживает до оцепенения. Закат – под стать красивой чёткой линии горизонта, оранжево-жёлтый круг медленно уходит под воду. Через месяц созерцания величественной картины возникает жуткое желание оказаться в старом добром Калининграде и прокатиться на трамвае. Вот ты больше любишь море или трамвай?» – «Конечно, трамвай. Мне от училища несколько остановок до дома, а там невеста ждёт, из Ленинграда приехала», – что таить, ответил как есть.

Вот таким образом за прямоту или за выдраенную палубу аудитории на кафедре КВ Вова получил заслуженный «трояк» и радостно выбежал из ворот системы, сел на любимый трамвай №2, помчался домой. Оставалось ещё пять дней отпуска на крепкие объятья невесты.

Похожая история приключилась со мной. Пришлось познать счастье статуса «академика». Правда, без предыстории не обойтись. После второго курса меня не взяли на заход в Хельсинки. Визит выпал официальный, с ротами почётного караула двух дружественных стран, объединённых политикой на курс разоружения и мира во всём мире. Просто места не хватило на учебном корабле «Смольный». Начальник курса, Ваня-чудак, в неформальной беседе намекнул, мол, решение не его, а человека за кожаной дверью из особого отдела. Удивился: как так? Круглого отличника за границу не пустили! Естественная реакция – обида – привела к тому, что усердие в учёбе прекратил. Накануне ближайшей сессии ушёл в загул. Время перед экзаменами проводил с Серёгой в компании его поклонниц – он лабал в группе ЛенВМБ и пронзительно пел. Вместо ударного труда кайлом о гранит знаний стремились с самоподготовки тропой Хошимина развлекаться в полный рост. Серёга пел, а я был предводителем группы поддержки почитательниц его голоса. Судьбу четыре раза испытал удачно, не готовясь, получил на экзаменах пятёрки.

Одна из них запомнилась как нелепый каламбур. В начале учебного года меня перевели из класса, где старшиной был непременно будущий адмирал, в класс Миши Банных, чтоб усилить и без того лучший класс отличником и сделать победителем соцсоревнования на факультете и во всём училище. Сдавали высшую математику. С ней по жизни мы были на ты. К экзаменам я не то что не готовился, даже не ознакомился с перечнем билетов. Вдруг накануне экзамена отчего-то потерял кураж и струхнул, решив вписать в «блудняк» Вадика, носившего позывной «Старик». Вадик был постарше нас, эдакая гора мышц, КМС по дзюдо. И, важный момент, поступил в училище подводного плавания после второго курса университетского физмата. Экзаменатор Вадика в лицо не знала, у нас были разные потоки, и меня особо не запомнила, поскольку новенький. К тому же я тихо сидел на лекциях, что непонятно – записывал в тетрадь.

Выловил Вадика и предлагаю:

– Старик, сдай за меня высшую математику.

– Ты с дуба рухнул, как себе это представляешь?

– А что? Прёпод нас не знает, ты в другом потоке, да и я особо не отсвечивал. Ну хотя бы по приколу.

Старик недолго думая согласился, он добрый и безотказный, хотя внешне выглядел угрожающе, с синевой в бороде, если не бриться каждое утро. Очерёдность в числе сдающих у меня под №16, такова традиция – золотая середина.

Прибегает Вадик, изучает список, находит мою фамилию под указанным номером и выносит вердикт:

– Нет, так не пойдёт, зайду с первой пятёркой, такое у меня правило, иначе перегорю.

– Ладно, ни пуха! Не спались и откликайся на мою фамилию.

Вскоре из аудитории вышел Старик, первым из отстрелявшихся.

Все накиннулись с одним вопросом:

– Ну что, Старик, удачно?

Я молчу и вижу по грустному виду Вадика: что-то пошло не так. Когда он достал из-под фланки на груди пачку «Беломора» и закурил прямо в коридоре, стало понятно, что это залёт. Сейчас вызовут зама начальника факультета по учебной части капраза Касаткина, и он прямо здесь на наших животах станцует чечётку.

На экзамене Вадик ничего умней не придумал, как взять билет и предложить преподавателю: «Разрешите отвечать без подготовки?»

Пошёл к доске и начал мелом рисовать невероятные формулы, одновременно докладывая по первому вопросу. Но счастье длилось недолго.

Преподаватель с удивлением подняла брови и округлила глаза:

– Подождите, не спешите, молодой человек. Вы кто такой? В моём потоке такой «умницы» точно не было. Вы себя выдаёте не за того. Вот пусть тот сам приходит и сдаёт экзамен. А вы свободны.

Старик был выдворен с экзамена, наш план с треском провалился, было обидно в большей степени за Вадика и старшину класса Мишу Банных, им достанется на орехи ни за что, а точнее, из-за меня. Дружба превыше всего, и я спешно ринулся спасать висевшую на волоске по моей вине честь друзей. Захожу в аудиторию под своим номером, представляюсь, тяну билет.

Преподаватель спрашивает:

– Это точно вы?

– Так точно, это я!

Подготовился к ответу, исписал всю доску, доложил уверенно, без тени сомнений.

Преподаватель опять вздёрнула брови и округлила глаза:

– Зачем нужен был этот концерт? У вас заслуженные пять баллов. Вы впрямь как дети!

С высшей математикой расквитался и друзей не подставил, что важно. Остался последний экзамен по непосредственной специальности ТСК (технические средства кораблевождения). По традиции не готовлюсь – фестивали, гастроли, квартирники. С приятелем куражмся в окружении дам, потягивая из зеленоватой бутылки в «бескозырке» с зелёной же этикеткой, получившей название «Андроповка».

Наступает день последнего экзамена. Легко отвечаю: первый вопрос «отлично», второй «хорошо», третий – ни в зуб ногой. Думаю: «И ладно, общий трояк, здравствуй, зимний отпуск!» Не тут-то было, отправили за парту ещё раз подготовиться по третьему вопросу, преподаватели пытались натянуть общую четвёрку.

Дежурным по классу стоял Андрей, сын Вали, в обязанности которого входило вместе с тряпкой для протирки доски разносить шпаргалки, с чем он справлялся более чем исправно. Получив шпору, я крепко зажал её в кулаке, пользоваться не пытался, готов был даже съесть. Но не случилось. Принципиальный преподаватель каптри Черняев отсканировал подозрительную передачу, и мне вкатили «банан». Немного не такой, как другу из Калининграда, мне досталась лопата. Пришлось стать «академиком» и мне.

Подготовка к пересдаче случилась незабываемой. У нашего класса внешний объект находился по улице Дровяной, и, как назло, той зимой снег валил каждый день – на беду двух «академиков»: меня и Гены Тюлькина. Целый день боролись со снегом, к вечеру, измотанные, валились спать, не раздеваясь, в обнимку с лопатами. Пересдали как положено, мне поставили «отлично», второму академику – «удовлетворительно». И мы, счастливые, разъехались по домам: я – на Московский проспект, дом 4, а Гена Тюлькин – в город Валуйки.

Сессия получилась памятная – и заслуженно привела меня к ироничному курсантскому статусу «академик». К счастью, вовремя сделал правильные выводы, более в загул не уходил. Просто женился.

Курсантские байки

Двойные стандарты

На третьем курсе пришёл к нам на факультет каперанг Ибрагимов в качестве зама по политчасти. Службу на новом месте начал с того, что обошёл все ротные помещения, скрупулёзно осматривая средства агитации и политпропаганды, не упустил из виду и музыкальные пристрастия курсантов – у кого были проигрыватели и пластинки, изъял крамолу.

По результатам беглого осмотра построил факультет перед обедом и изрёк:

– Кроме Зыкиной и Магомаева, никого не потерплю в репертуаре!

Примерно через год, перед началом зимних каникул, ротный командир Сан Саныч наказал меня их лишением за опоздание из летних. Хотя сессию я сдал на «отлично», ротный был непоколебим.

Когда отпускники убыли, двоечники и прочие арестанты двинулись на ужин. У казармы стоял Ибрагимов, сакральным жестом подзывая к себе.

– Слушай, – говорит, – у моей любимой дочки завтра день рождения, а магнитофон не работает. Посмотри, что можно сделать. «Вертушка» в моём кабинете.

– Есть, – бодро отвечаю, хотя и удивился.

Кто-то меня заложил, иначе откуда ему знать, что я чего-то соображаю в аудиотехнике.

Вечером зашёл, одним глазом осмотрел бобинник и мгновенно понял, что дело в смазке, которая загустела, поэтому шкивы не хотели вращаться. Морщю лоб, озадачившись, где добыть смазку: время девять часов вечера, все кафедры и службы закрыты. Но военно-морская мысль находчива. Позвал дежурного, тот открыл оружейную комнату и выдал мне смазку для автоматов. Дело спешно двинулось, но мне нужен жидкий лубрикант, а этот – слишком густой. В задумчивости начал ходить по казарме, взгляд случайно упал на дежурную лампу-семилинейку, тут же внезапно возникла идея – разбавил керосином, промазал, собрал магнитофон, вставил магнитную катушку с плёнкой, включаю. Ожидаю услышать, естественно, Магомаева с Зыкиной, а из динамиков грянули «Битлз» во всю мощь запретной к прослушиванию музыки. «Вот они – двойные стандарты», – подумал я, выключил маг и пошёл спать в роту, от греха подальше.

Путру зам меня с надеждой спрашивает:

– Починил?

– Конечно.

– А почему не в отпуске?

– Зарубили мне.

– Командира роты ко мне!

Через полчаса в роту зашёл Сан Саныч, злющий, как голодный волк, заполнил мне проездные документы с отпускным и выгнал из казармы.

Театрал

Чем ещё запомнился факультетский замполит? Одним примечательным эпизодом. У нас по воскресеньям увольнение начиналось после обеда, в два часа дня. Существовала одна интересная лазейка: слить пораньше, в десять часов утра!

Сколачивалась инициативная курсантская группа человек в десять, кому невтерпёж уволиться пораньше, особенно этим грешили местные ребята, бакинцы. Составлялся список, из него выделялся старший группы, который отправлялся в будку дежурного по факультету, что возле казармы химиков. В воскресенье назначенный ответственным старший офицер давал добро на более ранний выход в город для посещения театра, музея и других культурно-про-

светительных заведений. Офицер, как правило, не возражал против благовидных предлогов, и народ под радостный гогот убывал веселиться.

В тот день за ранний выпуск в город отвечал замполит факультета, тот самый каприз Ибрагимов. По внешнему виду сразу было видно, что тот с утра находился сильно не в духе. Курсачи спустились, построились, и старший доложил:

- Товарищ капитан первого ранга, группа увольняемых в театр Драмы построена!
- Чего? – не понял зам. – Какой ещё театр? Хрен вам, а не театр!
- Тащ капитан первого ранга, так курсанты окультуриться очень сильно желают!
- Смотрите сюда, – и он ткнул себя пальцем в погон с тремя большими звёздами, – я двадцать лет не был в театре, а уже каприз! Распуская строй, пойдёте как все, в два часа!

Морской бой

На четвёртом курсе проходили мы интереснейший предмет – БСФ. Кто не знает, это «Боевые средства флота».

В порядке ликбеза химикам объясняли, чем флот способен нанести существенный урон вражеским силам. Дошли до темы «тактические приёмы ракетных катеров». Читал эти лекции капитан второго ранга Пальвинский. Делал это, надо сказать, интересно, перемежая лекции колоритными флотскими байками.

Он любил повторять:

– Когда я выходил в море на катере, в эфире над Средиземным морем разносился отчаянный вопль на иврите: «В море еврей Пальвинский! Спасайся кто может!»

Если мы его правильно поняли, он тогда служил на египетских катерах советником и напрямую участвовал в потоплении израильского эсминца «Эйлат» в 1967 году.

В общем, лекции как лекции – кто слушал, кто спал. Ну и правильно, зачем химику-подводнику знать действия ракетных катеров, если он море видит с береговой базы, а в море торчит внутри железной бочки и весь его микромир сосредоточен в посту КРХП (корабельный радиохимический пост – так обзывали берлогу химиков на АПЛ первого поколения).

Короче, все занимаются тем, что сейчас интересно. А Толик наш углубился в интересную до зуда детскую игру «Морской бой». Кто помнит, квадрат из 100 клеточек и трагическое: «Убил! Ранил!»

Так вот, курсант Толик был далеко не подросткового возраста, ему тогда уже стукнуло двадцать четыре года, и поэтому его почти законченного высшего образования хватало с избытком, чтобы внести свежую струю в давнюю детскую игру. А потому количество клеточек было увеличено аккурат во весь тетрадный лист. Разработаны новые правила игры. В его версии уже был полный спектр классов кораблей и даже береговая оборона, передовые базы и прочие флотские инфраструктуры. Составлен перечень условных знаков с подробным объяснением.

Потрудился Толик на славу. Практически весь курс БСФ ушёл на его постижение. Понятно, «Морской бой» – игра коллективная, как минимум на двоих. Толик умудрился расширить список участников почти до бесконечной величины, что сделало взаимное «мочилово» интересным каждому участнику. Нашлись последователи, и на лекциях уже шли нешуточные сражения.

И вот однажды, пока Пальвинский увлечённо рассказывал о тактике применения катеров, Толик и сотоварищи так увлеклись, что забыли об осторожности и в открытую резались в «стратегию советских времён». Пальвинский острым глазом подметил, где находится центр событий, подошёл к Толику, встал рядом и с интересом стал наблюдать за ходом сражения. Толик, поглощённый азартом битвы, ничего не замечал. Все в классе напряглись и с интересом ждали, чем это закончится.

Наконец, терпение Пальвинского иссякло, и он громко изрёк:

– Посмотрите, товарищи курсанты! У этого будущего флотоводца glans penis в стакан давно не лезет, а детство до сих пор в попе играет!

Самодеятельность

Пролетим над страной Советов и мысленно окажемся в Баку, в ВВМКУ им. Сергея Мироновича времён середины семидесятых. Один молодой человек той поры вспомнил про самодеятельность.

Каждую осень в системе проводился смотр всех факультетов. Которых было всего два: штурманский и химический. Ещё два иностранных, но их в учёт не берём. Ко второму курсу иностранцы с трудом могли строем ходить, но русский язык, насыщенный словами-паразитами, постигали на хорошем уровне к окончанию обучения.

– Сашка, какие есть мысли в творческом направлении?

Вопрос предназначался Саше, барабанщику самостийного факультетского ВИА.

– Слышал, смотр на носу, а идеи на предмет, каким смыслом наполнить программу, нет, – ответил Сашка.

Всю самоподготовку я напряжённо думал, но ничего в голову не лезло. Хотелось оригинальности. Матросские танцы и хор химиков-четверокурсников не впечатляли. Надо было придумать сценку с логической последовательностью и музыкальной постановкой.

Обратился к Пашке, известному фанату футбола и по совместительству стихоплёту недурственному, он даже писал в стенгазету язвительные юмористические вирши на друзей, однако никто не обижался.

Мы поражались Пашке! Вообще был большой оригинал.

Когда нас пугали Гремихой отцы командиры, Пашка сразу сказал:

– Пойду служить только в Гремиху!

И ведь добился своего, поехал! Да только когда пришёл в отдел кадров, его сразу же определили на лодку. Паша категорически подводником быть не желал.

Он, как герой новеллы Гайдая в исполнении колоритного Алексея Смирнова, напрямую спросил кадровика:

– У вас несчастные случаи с подводными лодками были?

Тот не понял:

– Служба опасная, что вы имеете в виду?

Пашка ответил просто:

– Со мной – будут! Поэтому прошу тихого места на берегу, за орденами и званиями не гоняюсь, удовлетворюсь любой береговой должностью.

Отправили от греха подальше, пошёл перегружать активные зоны ядерных реакторов.

А пока стали вместе с Пашкой натужно думать про концерт, ничего в голову не лезло, вяло поплелись в казарму спать. В ближайшую субботу по телеку показали «Бременских музыкантов». Мультфильм сразу понравился всему Союзу от мала до велика.

Меня как током пробило:

– Эврика! Как просто и гениально! Вот же сюжет! Добавим оригинальности, придумаем свои тексты, Пашка стихов добавит.

– Надо что-то с музыкой делать! – поучаствовал в творческом процессе Сашка. – Не копировать же из мультфильма?

Ни Сашка, ни Пашка, ни я – композиторами не являлись. Кто мог бы написать оригинальную музыку, на окружающем горизонте тоже не просматривался. Тогда в голову пришла очередная идея.

Кинули клич:

– Братва, тащите к нам домашние запасы винила, лучше зарубежного, малознакомого советским меломанам!

Быстро образовалась солидная гора пластинок. Мы всё внимательно прослушали на ротной «Каравелле», был такой советский проигрыватель, трудяга-работяга. Выбрали композиции и начали подгонять под них текст и стихи для постановки.

В общем, получился, на наш легкомысленный взгляд, шедевр в стиле «Бременских музыкантов», но при этом полностью отличный от них, абсолютно оригинальный.

Дальше творческий процесс пошёл легко, с крыльями Пегаса за плечами. Мы с Пашкой взяли на себя роль клоунов-сказочников, от лица которых ведётся рассказ, назначили роли ребятам из роты. Грандиозность декораций уже не пугала. Фанера пилилась прямо в клубе, художники красили и приклеивали фольгу для придания сказочности. В работу была втянута вся рота, причём по их собственному желанию! Каждому было интересно внести свой вклад в творческий процесс. Времени оставалось совсем мало, но тут сработал принцип стремительно раскрученного маховика. За последний день успели сделать столько же, сколько за неделю в начале подготовки к смотру. Подготовились, на наш взгляд, качественно, и даже благодаря политотделу взяли напрокат в театре Русской драмы костюмы.

Перед самым просмотром наш ротный командир Сан Саныч вызвал к себе в канцелярию. Решил вмешаться в творческий зигзаг удачи, его заинтересовали всего два персонажа – я и Пашка! Поставил нас по стойке смирно и заставил без запинки прочитать все роли. Он выслушал «артистов», и на его лице читалось смятение. «Басня» наша ему явно не зашла, так как не было там ничего флотского-патриотического или даже идеологически выдержанного, но, с другой стороны, менять что-то было уже поздно. Он обречённо махнул рукой, пробормотал что-то матом и отпустил нас с богом, пожелав удачи.

Настал день премьеры. Мы с Пашкой нашли в библиотеке огромных размеров навигационный справочник, он являл в нашем действе «Книгу сказок». Обернули фольгой – получилось загляденье! Зал был полон! Все ждали премьеры. Во время смотров художественной самодеятельности вход для гостей, жителей города Баку, свободный.

Отыграли в своё удовольствие. Такого успеха никто не ожидал. Произвели настоящий фурор! Весь политотдел восторженно аплодировал, несмотря на «бездуховность» и местечковую самодеятельность курсантов 4-го курса.

Уже после концерта подошёл к нам начальник политотдела и заявил:

– ЭТО стоит повторить на новогоднем концерте! Придумывать ничего не надо, это лучший концерт в стенах училища за последние годы!

Пашку по случаю поменяли на Снегурочку, её сыграла дочь нашей мадам Петуховой, препода политэкономии, абсолютного фаната своего предмета и охотницы за курсантскими шпаргалками на экзаменах.

Новогоднюю программу отыграли под овации, с немалым успехом. Пашка смотрел из зала.

После концерта восторженно воскликнул:

– Как красиво у нас получилось!

– Согласен, здорово!

Фортуны повороты

Утопленник

На берегу... нет, не самого синего моря, а одного из живописнейших петергофских прудов случился этот казус.

Дело было за пару недель до выпуска. Вечерело, солнце село, а светло как днём. Расположение Северной столицы на шестидесятой параллели оживляло и без того бурлящую кровь курсантов белыми ночами, продлевая дни и лишая сна. Индивиду, возвращаясь из увольнения в родные казематы альма-матер, по причине необычно жаркой погоды дерзко решил освежиться в Ольгином пруду, что аккурат через Самсоновский канал располагается напротив здания администрации города Петергофа. Мимо проходили, как ни странно, не милиционеры, которым положено охранять покой отцов города и посетителей парка, а бдительные старушки – равнодушные искусствоведы. Увидели на берегу форму. Не обнаружив купальщика ни в пруду, ни на хорошо проглядываемых его островах и обождав длительное, на их взгляд, время, отнесли находку на КПП с переживаниями:

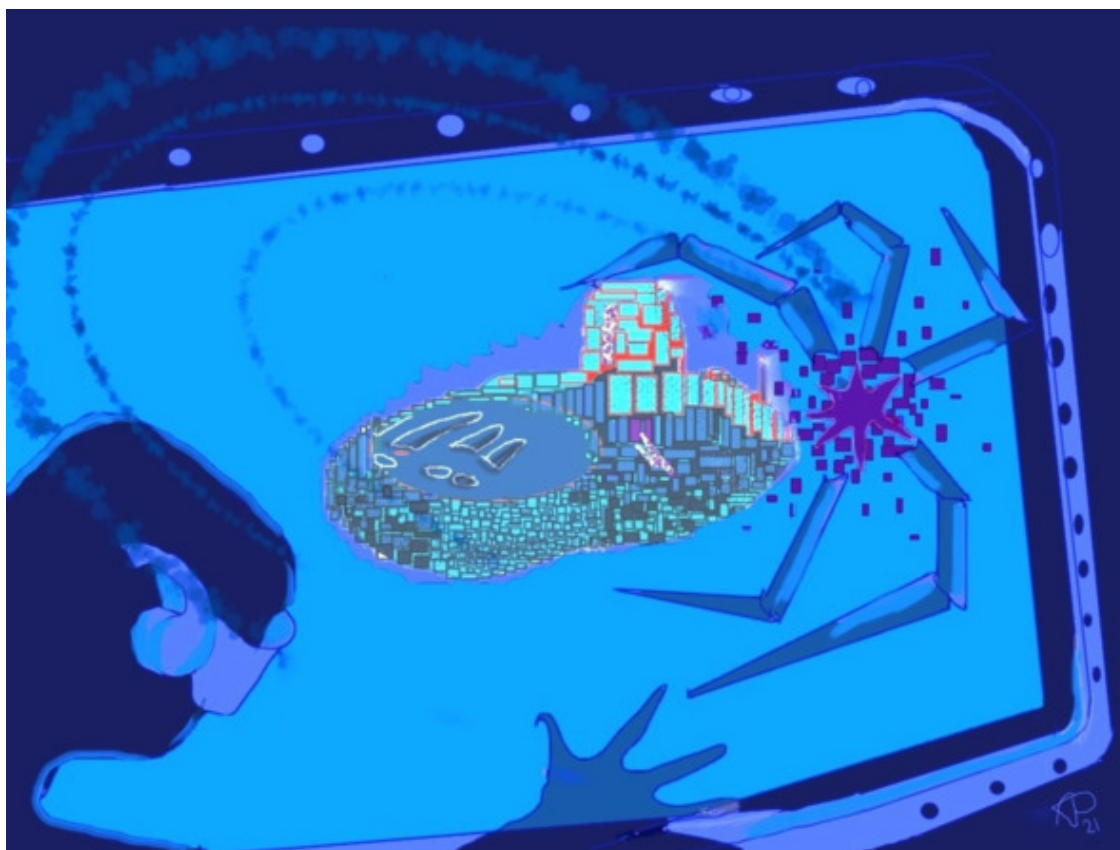
– Одежда есть, а тела нет...

Дежурный по училищу, изучив документы хозяина формы, поставил на уши поочерёдно дежурного по факультету и по роте. До утра все стояли, помимо предписанных поз, ещё на бровях и с отбитыми рогами. Поиски утопшего результата не дали.

Ближе к завтраку из сушилки вылез пропавший. Оказывается, не найдя своей одежды, тот огородами добрался до ротного помещения, отсвечивая голым телом и продрогнув в прохладной и абсолютно белой ночи. Отогреваясь, заснул в сушилке. Дежурный по училищу, радуясь, что всё обошлось и учитывая утренний статус потеряшки «живее всех живых», подтверждённый свежим дыханием, спустил проступок на тормозах. Без пяти минут лейтенант отделался душеспасительной беседой с командиром роты.

Кукарелла

«Потаённое судно в подводном положении тенью скользит» где-то в центральной Атлантике, а точнее, приближается к Азорским островам. Несу вахту на «Керчи» (гидроакустический комплекс). Вдруг в телефонах всё отчётливее начинает прослушиваться Африк Симон, исполняющий зажигательную до трясучки в коленях «Кукареллу». Втихаря прошу вахтера (вахтенного офицера) зайти в рубку акустика. Появляется довольное минное лицо, потом и сам командир БЧ-3. Даю послушать. Его бойцы иногда ставили магнитофон «Весна» у носовой переборки и балдели. Минёр метнулся в 1-й отсек.

Через несколько минут вернулся и разводит руками:

– Нет магнитофона.

В телефонах продолжает звучать, но уже Демис Руссос с пронзительной композицией «Goodbye My Love».

Даю опять послушать минёру, тот недолго думая умчался обратно, в 1-й отсек.

– В первом тишина, всё в штатном режиме. Что за чертовщина? – вернулся ошарашенный минный.

Докладываю в центральный. Приходит командир, слушает, слегка недоумевает и уходит. Где-то через час штурман отрыл «Извещение мореплавателям», где написано: «К началу курортного сезона пляжи на Азорских островах оборудовали установками, транслирующими музыку для дайверов».

Это был 1979 год.

На равных

Минёр Алексей, отслужив полтора года на ТТБ (торпедо-техническая база), своими знаниями и желанием получил право, среди пары-тройки себе равных, быть назначенным командиром БЧ-3 на РПКСН (Ракетный подводный крейсер стратегического назначения). Как раз подоспела очередная автономка. Командир, к тому моменту получивший контр-адмиральские звёзды, очень серьёзно взялся за обучение и воспитание очередного вахтенного офицера. Большая часть автономки проходила в спокойной обстановке – подо льдами, и командир использовал свою вахту для занятий. Лёха был грамотным и пытливым летёхой, к изучению документов и прочих премудростей относился со всей ответственностью, но опыт командира, участника походов времён Карибского кризиса, а также нестандартность мышления старшего по рангу частенько приводили к спорам на повышенных тонах. Командир, видя заинтересованность и желание лейтенанта освоить профессию, относился к этому спокойно.

А вот прикомандированный к нам мех, командир БЧ-5, как-то отловил Лёху в 4-м и от души выразил уважение:

– Ну минёр, дай пожму мужественного краба! Впервые вижу и слышу, чтобы лейтенант и адмирал друг на друга нёбами орали и медью покрывали.

Целеустремлённый Лёха по прошествии положенных лет службы тоже получил адмиральские погоны. На ежегодных встречах экипажа всегда занимал место рядом с командиром, и было видно, как тот гордится выпестованным самолично учеником.

Каламбур

На кой чёрт попу гармонь, а курсанту – филармонь?

Преподаватель ТУЖК (Теория устройства и живучести корабля) – капитан 1 ранга Штэгман, надо сказать, интересный педагог и человек. Изучали эту дисциплину на первом курсе разделами, в которые входили теория ПЛ и гидродинамика. Витиеватая теория насыщена высшей математикой, которую мы только начали осваивать. В общем, тяжело шла наука, в основном, на уровне механического заучивания – «зубрёжки».

Так вот, о Штэгмане. Он обладал одним своеобразным «пунктиком» – являясь большим любителем классической музыки, часто посещал Филармонию. Курсанты знали о пристрастии препода и совершали незатейливый манёвр: пару-тройку раз в антрактах как бы невзначай повстречаться, поздороваться. Результат сулил ожидаемым вознаграждением – положительная оценка на весьма непростом экзамене обеспечена.

Варьете

Февраль. Экипаж прибыл на послепоходный отдых в Пярну. Мягкая прибалтийская зима. Скучно. Две трети экипажа с жёнами и детьми. А недалеко от города – загородный ресторан с варьете. Если не изменяет память, «Ранахун».

Компания холостяков мнимых и действительных, надев кабацкий вариант формы («костюм охотника»: тужурка, белая рубашка), в количестве шести человек отправились осваивать культурную программу – оценить красоту и гибкость линий женского тела.

Чудеса начались у входа. Народу столпилось уйма. Давало гастроли «Юрас перле» («Морская жемчужина») – варьете из соседней Латвии с несравненной солисткой Лаймой. Швейцар отказался пропускать ракетчика КГУ БЧ-2 (командира группы управления). Тёзка имел подростковую фигуру и рост 163 см. Выслушав отказ швейцара, Игорь снял гражданскую куртку и блеснул погонами. Швейцар уважительно проводил его до самого столика с извинениями.

Вечер прошёл спокойно и познавательным, грусть развеялась, тоска по нежному и чувственному усилилась. Всё состоялось чинно, если не считать косых взглядов «горячих хуторских эстонских парней». За соседним столиком отдыхали соседи по «нумерам» из Дома отдыха ДКБФ, офицеры-морпехи в количестве двух боевых машин смерти. Предвидя возможные неприятности, перемигнулись с ними и по окончании программы, рассчитавшись, вместе покинули заведение. Остановка такси находилась в некотором отдалении от ресторации, где нас поджидала компания «хуторян». Пошли на сближение.

Метров за семь до цели, как выстрел, нас настиг крик:

– Ложись!

Находясь в лёгком весёлом состоянии, имея выработанную годами службы привычку выполнять команды... Улеглись, как по команде «отбой» на первом курсе.

Два морпеха, которым было «не видно спектакля за этими спинами» таким образом создали себе поле для разбега и вихрем ворвались в толпу хуторян, которые были не приучены выполнять команды... Ну, в общем, за несколько секунд «решили проблему».

Поутру мы в недоумении поинтересовались:

– А зачем нас положили?

Ответ был простой:

– Мало ли что, мы вас в лицо плохо знаем, не дай бог своих зацепить в пылу атаки.

Размер ноги

Эта история случилась в Палдиски, учебном центре подготовки подводников в Эстонии.

Ильдар во всём был нестандартным. При росте 192 см имел редкий размер ноги – 49. Обувь получал по наряду на последнем этаже таллинского «Каубамаэ», сиречь универмага. Упомянутый выше ракетчик и тёзка Игорёк был вполне обычным подводником ростом 163 см. Собрался Игорь ехать на своём «Москвиче» в Таллин по семейным надобностям. Ну Ильдар и попросил его зайти в универмаг и получить ботинки. Ближе к концу рабочего дня в преподавательскую влетает разъярённый Игорь и швыряет от двери в Ильдара ботинками.

Попили чайку и немного казённого, Игорёк остыл и рассказывает:

– Приехал в универмаг. Пришёл в обувной. Вручил продавщице накладную. Девушка Хильда долго читала бумагу, а потом так же долго изучала меня с горячим взглядом. Заулыбалась и удалилась в подсобку. Надо отметить, что ног из-за прилавка видно не было. Жду. Из подсобки выглянула одна, вторая, третья... девушка. Все с удивлением разглядывали морского офицера и вождельно улыбались. После четвёртой, пятой соображаю, что девчонки сопоставляют мои 163 см с 49 размером башмаков. Сам представил такую несоразмерность и ход мыслей их дальнейшего сопоставления. Обозлился! Наконец, получил огромную коробку и покинул весёлых девчонок.

После этого Ильдари обувь получать никто не соглашался, а зря!

Девчонки разбирались в мужской физиологии, напрямую связанной с размером ноги, сопоставляли другие подробности и оценивали совсем иные сантиметры.

Двум смертям не бывать

Уже не помню за давностью лет, каким летом это произошло: то ли после штурманской практики на старой калоше, перестроенной из ОС-15, то ли перед отправкой в Западную Лицу на практику. В те времена прекратили отряжать химиков в дальние походы на крейсерах и прочих учебных кораблях типа «Гангут» или «Смольный». Посчитали, что для нас хватит и седого Каспия, не считая суровых северных скал, конечно, и ядрён-батон флота!

В общем, что памятно резануло, была так называемая катерная практика, где нас, химиков, учили водить малотоннажные суда. Понятно, что эффект от двухнедельной практики стремился к математическому и практическому нулю. Однако как небольшая и приятная добавка к отпуску она вполне котировалась. Отдохнувшие и загоревшие, вдоволь накачавшись на волнах Каспийского моря, мы разлетелись по родным пенатам, чтобы заливать в компашках под портвешок восхищённым девчонкам, как мы лихо стояли за штурвалом и бороздили моря. Но рассказ не об этом, а об одном случае, чуть не ставшим для меня трагическим дважды за один вечер.

Был обычный рабочий день практики на мысе Султан, являвшемся морской частью нашей системы, где базировались шлюпки и катера. Таким же обещал быть и вечер. Дело было в июле, училище уже опустело – все роты были либо в отпусках, либо на практике на дальних берегах. Контроль за дисциплиной несколько ослаб. Командование факультета по большей части убыло в отпуск. Комроты, пользуясь обстановкой, старался линять домой после ужина.

Итак, рота построилась внизу, собираясь топтать на камбуз, дежурный по факультету вышел из будки и произнёс краткую речь:

– Ребятки! Не советую вам сегодня после сытного ужина бегать в самоволки, ибо вечером обязательно сыграю вам большой сбор, и чтоб все, как один человек, стояли через полчаса у моей дежурки, – с тем и отпустил на ужин.

Ясен пень, на его слова курсантская масса обратила внимания не больше, чем на лай брехливых собак за забором. Тем более, кое-кто уже продумал планы на вечер. Часть собралась в пивную «Трубу», часть – на свиданку с девушками. Надо учесть и такую особенность, что ребята из местных, бакинцев или сыновей офицеров, проживавших в офицерском городке в посёлке Зых, бегали к мамкам на блины, что не считалось грехом, учитывая качество курсантского общепита.

После ужина подкатывает ко мне однокашник Витька – красавец-парень, ватерполист ростом под 185, блондин, любимец девчонок:

– У меня свиданка с любимой, надо идти. Прикроешь, если что?

– Без проблем! Сам погибай, а товарища выручай, – не задумываясь над истинным смыслом фразы, шутя ответил товарищу.

К слову, несмотря на популярность Витьки у слабого пола, к кобелям он не относился. Все пять курсантских лет встречался с одноклассницей и позже женился на ней. Жил он недалеко от системы: три-четыре остановки на автобусе, или, если напрямую через холмы, минут двадцать трусцой. В общем, попросил меня в случае шухера метнуться подходящим способом и предупредить. Легко сказать: общее направление я приблизительно знал, но особенности этих холмов в применении к бегу были мной не изведаны...

Как и следовало ожидать, дежурный по факультету в восемь вечера таки большой сбор нам устроил. Мы построились, ну как «мы» – всего лишь жалкие остатки от роты, которые маялись бездельем в казарме. Не скажу, что все оказались в бегах, часть просто рассеялась по территории системы. Но факт остаётся фактом: собралась едва половина от списочного состава.

Дежурный, сурово сдвинув брови, сказал как отрезал:

– Через час буду снова считать лично по головам. Ищите, где хотите! – и распустил строй. Что делать? Надо спасать боевого товарища! И я сайгаком прыгнул через забор, промчался через маслиновую рощу вверх, на холмы. Бурсаку, натренированному отцами-офицерами физподготовки, такие скачки по пересечённой местности – на раз плюнуть. Бежал я легко и непринуждённо, как оказалось, навстречу приключениям, с риском для молодой, не отягчённой проблемами жизни.

А теперь немного о бакинских холмах. Как я потом узнал, история Азербайджана изобилвала всяческими военными конфликтами. Особо лакомым куском был Апшеронский полуостров с расположенной там столицей Баку. Исторически город был крепостью, неоднократно подвергавшейся набегам врагов. В XX веке значимость его возросла и утвердилась. Братья Нобели именно здесь сколотили первое состояние. Неудивительно, «чёрное золото» оказалось необходимо для индустриализации СССР, к тому же до войны это был практически единственный источник нефти и нефтепродуктов. В этой связи Баку рассматривался как очень важный в военном и стратегическом смысле район и всячески укреплялся. Потому холмы в окрестностях города покрыты сплошь или огорожены колючей проволокой, так как на них располагалось много складов военного имущества. Некоторые хранилища прятались под землёй. Я тогда об этом имел смутное представление.

Ещё терпения, читатель: хочется отметить, что холмы с их складами несметных сокровищ преподнесли курсантской братии системы незабываемый праздник. Правда, от такого подарка женщины в нашей швейной мастерской матерились отчаянно.

В начале сентября со складов поступила форма для выдачи курсантам. Видимо, вскрыли склад, вышедший из-под грифа стратегического запаса. Он оказался середины 50-х, а тогда, как известно, стандартом был широченный морской прямой клёш. Система буквально встала на уши. Не всем хватило, но тот, кто стал обладателем эксклюзивных морских штанов, попал в nirvanу. Состояние можно сравнить по уровню эндорфина в крови с нынешним обладателем последней модели айфона. Какой курсант не желал заг@ндонить форму одежды? А тут подарок такой!

К сожалению, счастье длилось недолго, точнее, до первого строевого смотра. Начальники схватились за голову, с нас содрали брюки и массово отправили на ушивку в швейную мастерскую, где швеи чуть с ума не сошли от свалившегося на них объёма работы. Ещё раз устроили строевой смотр, и начальство удовлетворилось. Однако в ближайшую субботу, когда кэп свалил домой, а народ готовился к танцам, рота дружно села пороть ещё свежие швы и восстанавливать ширшесть брюк. Но я, однако, сильно отвлёкся, нахлынуло, понимаете ли...

Итак, взобрался я на холм и взял курс на небольшой посёлок, где проживал Витька и его школьная любовь. Как пишут классики, смеркалось... Видимость всё стремительнее снижалась, и тут на моём пути начали попадаться огороженные колючкой непонятные территории. Мне, как зайцу, пришлось петлять, что сильно задерживало и удлиняло путь.

Я был уже почти у цели, когда намеченный маршрут преградила непонятная «китайская стена» из известняковых блоков весом килограммов по сорок каждый. Стенка была невысокая – метра полтора, за ней не просматривалось ничего особенного. Что мне полтора метра?! Легко взяв высоту, уже в полёте я горько пожалел, что не проверил стену с обратной стороны, а вот там-то и таилась засада! Стена оказалась метра два с половиной, и территория за ней располагалась в низине. На моё счастье, было ещё достаточно светло, и я удачно приземлился. В темноте от такого кульбита беды не миновать.

Бегу по взятой в прыжке территории и вижу вдали какого-то солдатика, сумерки сгустились, силуэт военного едва различал. Он что-то мне орал, но попутный ветер не давал слышать слова. Разгорячённый бегом, я почти достиг солдатика, оставалось метров пять. Вдруг услышал знакомый и до мурашек зловещий лязг затвора автомата АКМ. Инстинкт сработал, я моментально встал как вкопанный и всмотрелся в человека с ружьём, то был явно «из моло-

дых», призванный из среднеазиатского кишлака, судя по акценту, с каким он орал: «Стой! Кто идёт?!» Осознал, наконец, что у него патрон уже в стволе, а руки сильно трясутся от нервного напряжения.

Я никогда не выполнял команды караульного, но после ужасного крика: «Стой! Стрелять буду!», – понял, что сейчас убьют... По уставу он давно должен был сделать предупредительный в воздух, а затем и меня отправить на небеса. Я безропотно исполнил команду, на всякий случай поднял руки, как пленный румын, и осознал, что по-глупому влип по самое не балуйся. Сейчас «сапоги» на военморе станцуют чечётку! Стоял я так в позе пленяемого и чувствовал себя попавшим в самое идиотское положение, если не сказать – в полное дерьмо, в какое можно вступить по жизни.

На моё счастье, из дежурной будки, что находилась посередине охраняемой зоны, вышел сержант и направился к нам. Приблизившись, задал совершенно тривиальный вопрос, как я здесь оказался. Обрисовал ему кратко картинку маслом.

Сержант, на моё счастье, оказался русским, одноклассником, сразу всё понял и резюмировал: – Ты идиот, лезть на зону? Этот дурак сейчас бы пристрелил тебя и уехал завтра в отпуск как бдительный и отважный воин! А тебя бы бережно упаковали в гроб из лёгкого цветного металла.

Знание вопроса о характеристиках цинка у обычного сержанта меня удивило. Небось в школе отличником был по химии, родная душа.

Очень хотелось добавить, что цинк из группы амфотерных металлов, но я сдержался, а сержант тем временем вынес вердикт:

– В общем, так! Напрямик тебе нельзя, там наше КПП, поэтому давай назад той же дорогой – и моли бога, что жив остался, и удачи тебе!

Если бы так! Ветреная девица ждала меня уже буквально через пару минут, когда я с разбегу лихо решил взять эту проклятую стенку, только уже с другой стороны. Я разбежался, подпрыгнул, схватился за верх преграды и начал подтягиваться. В этот момент почувствовал, что стена просто падает вместе со мной, точнее, на меня. Всё, что я успел сделать на подсознании, это оттолкнуться в сторону ногой, грохнуться на землю и откатиться подальше. Солидный кусок весом под тонну рухнул рядом! Осмотрев быстро обломки, понял причину обрушения – на блоках не было ни грамма раствора. Моих молодецких 85 кг хватило, чтобы эта цитадель обвалилась, как домино. Посмотрев ещё раз на фрагменты 40-килограммовых блоков, я понял, что шансов выжить под ними у меня было мало. С этими мыслями выскочил в пролом и побежал дальше.

Вскоре оказался у Витькиного дома, но его не оказалось, и где он, никто не знал. Я отправился в обратный путь уже в кромешной тьме, хорошо хоть луна светила. Придя в казарму, сел на баночку, отдышался. В такт учащённому пульсу в голове стучало: «Пронесло». Собрался с мыслями и понял, как я сегодня дважды родился в течение нескольких минут. Сейчас, конечно, весело вспоминать, а в тот момент мурашки по коже побежали нешуточные.

В качестве эпилога: Витёк, одноклассник, так и прошлялся с любимой до вечерней поверки. Дежурный, как обещал, собрал роту через час ещё раз, народу оказалось ещё меньше. Ему доложили, что до сих пор ищут пропавших. Дежурный обречённо махнул рукой, распустил строй и ушёл в свою будку. Он, кстати, в курсантских кругах слыл либералом, да и просто хорошим душевным офицером с нашей 22-й родной дозиметрической кафедры. И, насколько помню, в тот раз всё обошлось без последствий и оргвыводов. А я осознал на собственном опыте, что означает фраза: «Сам погибай, а товарища выручай». И что важно, держался этого принципа всю оставшуюся жизнь...

Один день стажировки, или Как «залететь» перед выпуском и «в награду» отправиться в кругосветку

Начало событий случилось в солнечном городе Баку, в Каспийском Высшем военно-морском училище имени Сергея Мироновича Кирова.

Подхожу к столовой, на крыльце стоит ничтожный рыжий откормленный мичман – дежурный по камбузу. Военный загородил мне путь и изрёк классическое:

– Не положено!

Сказать этакое! Мне, без пяти минут лейтенанту!

Безмолвно обошёл «цель», совершил манёвр расхождения на минимальной, но безопасной дистанции, чему научился на днях, зашёл внутрь нашей любимой столовки и сел откусывать. Мичман – настоящий кадр, про таких говорят: «Какая отвратительная рожа», – видимо, не зная о специфике работы секретчиков, тут же побежал плакаться дежурному по училищу, тот как раз снимал пробу.

Только успел шмат мяса засунуть в пасть, как подошёл каприз и заревел на меня:

– Пошёл вон отсюда!

Пререкался не стал, ответил:

– Есть! Так точно! Никак нет! – и убрался.

Почему так вышло? Тому было разумное объяснение в моём молоденьком малоразвитом мозгу ввиду отсутствия жизненного опыта.

Три года, как я выполнял секретную миссию класса дозиметристов, сменщиком моим был Толик, специалист по расширенной версии «Морского боя». Конец пятого курса, а у нас пара по штурманскому делу. Зачем-то нам вменяли сей предмет на пятом курсе, да ещё и под названием «Маневрирование». Зачем химикам сия наука? Разве что от патруля грамотно уклоняться. Хотя, поделюсь с вами, сам по себе предмет интересный, практически векторная геометрия в морских реалиях.

Короче, в обед один из двух секретчиков оставался в классе караулить карты, предварительно подкрепившись в курсантской столовой за полчаса до приёма пищи, как полагается. Мне досталась доля идти до обеда.

После неудачного столования мои осетинские гены кипели, как гейзер! Пришёл в класс, а товарищи убыли на обед, думая, что я поел, и, конечно, съели мою пайку. Я остался голодным, поскольку после обеда обнаружил девственно-чистый стол. Голод – не тётенька, радости и уверенности в завтрашнем дне не прибавляет.

Кипя от возмущения, подошёл к мичману и сказал:

– Не хочу мараться сейчас, но найду время и набыю тебе протокольную морду, чтоб понимал разницу между курсантом первого и пятого курса!

Военный обрадовался такому повороту и накатал на меня бумагу в политотдел училища. Ой, что началось! Комсомольское собрание класса и роты, влекущее естественный логический конец – разбор полётов в самом политотделе. И так грамотно прессовали: с привлечением классиков, с цитатами и всеми возможными эпитетами о моём моральном облике строителя коммунизма. Топтали, как курочку в курятнике, выворачивали и матку, и папку с таким усердием, что и сам осознал, какой же я ничтожный негодяй.

Короче, залёт налицо, причём серьёзный. Меня заставили извиниться перед этой рыжей мордой, впаяли пять суток губы, причём иезуитски – в счёт отпуска. В общем, место моей

дальнейшей службы определено со всей очевидной реальностью – однозначно Тихас¹, куда ссылали на стажировку таких же неблагонадёжных, как я.

Мы отбыли на стажировку по маршруту Баку – Москва – Новосибирск – Иркутск – Хабаровск – Владивосток – Тихас.

По прибытии в 26-ю дивизию определили нас сначала в службу радиационной безопасности, потом раскидали по экипажам лодок. Честно стажировался на подводном корабле ровно сутки из 45 положенных.

Бравый командир собрал всех курсантов, нас было человек восемь со всех систем советской страны, и сообщил:

– Шоб вашей ноги на «железе»² не было. Мы здесь в войну воюем, а вами, придурками, заниматься недосуг.

Мы сказали:

– Есть! Так точно! – и отправились стажироваться – спать и убивать время за игрой в преферанс.

Весело пролетела первая неделя, пока хватало денег на душевный напиток, изобретателем которого являлся кумир любого химика – знаменитый русский учёный Дмитрий Иванович Менделеев. Когда курсантское денежное довольствие иссохло, стало невыносимо тоскливо.

Выспались до одури – и хотелось женского тепла. Четверо смелых в поиске приключений двинулись по тропе дедушки Хо Ши Мина в близлежащий посёлок. Пешком каких-то шесть километров до трассы Владивосток – Находка, а там – повезло, поймали рейсовый автобус до Тихаса.

В течение двух-трёх дней разбрелись по местным скучающим тургеневским женщинам. Этот момент смутно помню, но тогда началась другая жизнь с еженощным «опылением» слабого пола. Всякое кайфовое время когда-нибудь заканчивается, отшумела и стажировка. Мы, тем же маршрутом, в обратном направлении, убыли в Баку.

Началась золотая пора – мы писали диплом почти два месяца. Я товарищ ленивый и прагматичный. Загодя, в смысле – за год до диплома, оформил курсовой проект, применимый для дипломной работы. Зачем корячиться в два раза больше, когда есть возможность сделать в два раза меньше? Задача стояла по силам: переписать материал из несекретной тетрадки в секретную, с чем успешно справился за десять дней, и у меня появился дополнительный отпуск.

Утро начиналось так: после завтрака я получал свой секретный чемодан, шёл в класс, впихивал чемодан в шкаф с дозиметрической аппаратурой и через забор – на море. Хитрый оказался я один, и потому бегал на море в одиночестве. Раскинувшись на горячем песке, смотрел ввысь, любуясь небом, блёклым от зноя, такого нет нигде, я точно знаю. Жарился и переворачивался, как карп на сковородке. Потом бежал в тёплую воду, шипел и немного охлаждался. Нанырившись, лежал на спине звёздочкой, не шевелясь. Вода солёная, сама удерживает на поверхности. Опять смотрел на удивительное небо. К трём часам возвращался с Каспия, сдавал чемодан в секретку и убывал в увольнение домой. Замечательное время!

Далее выпуск: «К торжественному маршу!». Золотые погоны на плечах, кортик на боку, улыбки на ширину приклада. Запечатлели в памяти блеск своих друзей, многих со временем никогда больше в жизни не увидим. Затем грандиозное первое офицерское собрание в непридуманной обстановке в театральном кафе «Русской драмы» в Баку. Прощай, система, и здравствуй, флот!

Отправил в Находку контейнер со своим нехитрым скарбом и в конце августа убыл в Тихас. С этого важного события в моей жизни, о чем сам тогда не знал, и начинается история про легендарную кругосветку.

¹ Посёлок Тихоокеанский в Приморье, бухта Павловского, залив Стрелок.

² Подводная лодка.

Кругосветка

Прибыл на место службы со своим «чемоданом без ручки» и портфелем, как ни странно, тоже без ручки. Контейнер с незатейливыми пожитками из солнечного города Баку в Находку отправил заблаговременно. И здесь нарисовалась проблема, откуда не ждали: в гостинице законной супруге место нашлось, а мне – нет!

После долгих переговоров хозяйка приюта пообещала, что в крайнем случае поставит мне раскладушку в коридоре. Перспектива была заманчивая, аж возжелал двинуть спать на ночь к давней подружке по стажировке. Но совесть тогда ещё была кристально чиста, решил не искушать судьбу при живой-то жене.

Честно говоря, ещё на стажировке в Приморье жемчужный Тихас не очень полюбился, мягко выражаясь. Особенно возмущала разница в зарплате. Тяжба такая же, корабли те же, что и на Севере, где коэффициент выплат 1,5, на Камчатке – аж 2,0. А в Тихасе – будьте любезны, получите, распишитесь – 1,15. Почувствуйте разницу! Погодные условия в расчёт не беру, если вопрос идёт о деньгах. Итог печальный – настроение на нуле, близкое к депрессии. Кому повезло, тот уехал на Камчатку, а мне, «залётчику», нарушителю воинской дисциплины, достался Тихас. Никогда не забуду наглую рыжую рожу мичмана, дежурившего тогда в столовой. Жалею, что на прощание ему леща не отвесил.

Да, почему же приехал с чемоданом без ручки. Просто – так говорили о жёнах, искренне веровавших, что они декабристки и должны ехать на голое место, в Тьмутаракань, вместе со свежее испечённым офицером, не думая о невероятных проблемах, которые создают своему суженому в первые дни становления на флоте. А портфель без ручки всплывёт в третьей части «кругосветки».

Утром потопал представляться пред ясные очи начальника отдела кадров 26-й дивизии. Прибыл в штаб, но на месте вершителя судеб не оказалось, и я целый день проторчал в коридоре, до самого вечера. Ближе к ужину появился какой-то важный павлин, завёл меня в кабинет и начал расспрашивать:

– Вы, химик, что знаете про законы термодинамики?

Я сильно удивился, но ответил:

– Вот именно, я – химик! Физику забыл сразу после экзаменов, и спрашивать меня теперь бесполезно.

Термодинамику люблю и уважаю, то, что не знаю, ляпнул в шутку, можно сказать, сдуру. Главный вопрос – как эти самые законы будут регулировать мою жизнь на флоте – в тот момент меня мало беспокоил.

Перец аккуратно сложил свой красивый павлиний хвост и отпустил меня обратно в посёлок с наказом:

– Лейтенант, явиться в понедельник утром. Ввиду вашего незнания законов термодинамики лучшее место для вашей службы как раз в Чажме, где даже вода для питья привозная.

Чажма – печально известное место, где рванула крышка реактора на лодке и засыпала радиоактивными нечистотами всю территорию посёлка и окрестностей. В общем, грустя, вернулся в гостиницу – и встречаю там минёра Васю из ВВМУППа. Это училище выпустило в свет не только известных адмиралов, но также и нынешнего Главкома ВМФ, писателей Валентина Пикуля (на радость любителям литературы отчисленного в начале учёбы), Виктора Конечного и других известных личностей, ознаменовавшихся на страницах истории.

Мы с минёром Васей стажировку вместе коротали в одном экипаже.

Он радостно так сообщает:

– Мне места здесь не нашли, отправили в кадры Тихоокеанского флота во Владивосток.

А тут у моей благоверной, единственной и неповторимой, от жары случился сердечный приступ. Я весь в трауре, ума не приложу, куда её девать? В Чажму отправят – смерти подобно: квартиры нет, знакомых нет, – головная боль неимоверная. Каким-то провидением предписание к месту службы в 26-ю дивизию оставалось у меня на руках.

Вася подкидывает идею:

– Слушай, поехали в понедельник во Владик вместе, ну, не звери же там сидят в кадрах, обрисуешь ситуацию, может, прокатит.

По молодости слыл авантюристом и мог себе позволить всякое немыслимое. Ударили по рукам и с утра в понедельник вместо бухты Павловская отправились во Владивосток. Ближе к обеду появились в штабе ТОФа, в приёмной у кадровика.

На входе дежурный офицер строго спросил:

– Чего сюда припёрся, у тебя же направление в Тихас?

Наплёл невероятный бред:

– Так это, там место мне не нашли, сказали, чтоб к вам ехал, если не получится, вернусь – и меня на Аляску отправят.

Дежурный ответил:

– На Аляску, хм, что-то далековато...

И отнёс мою бумажку на стол начальника отдела кадров. Приёмная полна таких же лейтенантов-выпускников. Я уселся и стал ждать. После обеда очередь потихоньку рассосалась, остался я один. Меня никто не замечал!

Наконец, в начале шестого вечера из кабинета вышел капитан 2-го ранга и спросил:

– Кто таков?

Я ответил, как положено, вытянувшись в струнку, как часовой у Мавзолея.

– Заходи, бравый какой!

Отыскав на столе мою бумажку, удивился:

– Какого егеря сюда явился?

Настал мой час! Я включил дурака, точнее, артиста – недаром в художественной самодеятельности клоуна играл. Театр Советской Армии отдыхает! Начал со скорбным лицом Пьеро правдиво и уверенно о своей тяжкой доле начинающего карьеру адмирала, но пока лейтенанта.

Начальник проникся:

– А я-то чем могу тебе помочь?

Опять пускаюсь в пространные речи о тяжести бытия и быта.

И как бы невзначай:

– Жена сердешная и братишка у меня старший – тоже химик.

– Не понимаю, какая связь?

– Брат на Камчатке служит, и климат там лучше для супруги, и брат присмотрел бы за болезной, в смысле жена его.

Уже почти шесть, такая тишина в кабинете, слышу голодное урчание желудка кадровика.

Он покряхтел, задумался, потом решил:

– Вот что, приходи завтра после обеда, придумаем тебе казнь. Шучу, разберёмся, помогу, чем могу, – и был таков, ушёл.

На следующий день заявили в кадры. Минёр Вася получил предписание и проездные в Палдиски (Эстонская ССР, в учебный центр на новое формирование экипажа). Мы обнялись, больше с Васей по службе не пересекались, но помню его. С тех времён знал: «Минёр решительный и не тупой, минёр – величина, друг человечества, возможно, и точно – друг химика!»

Наконец, появился кадровик, пробормотал, негодуя:

– Как ты мне надоел, заходи!

Молча вынул бумажку из стола. Я прочитал и онемел, от счастья радостно крикнул:

– Ура! Камчатка!

Получил от кадровика Тихоокеанского флота предписание, что называется «из рук – в зубы», читаю – и глазам своим не верю: «Камчатка!» От счастья хотел расцеловать капитана 2-го ранга.

– Прошу разрешения! – и умчался.

Уже сквозь дверь услышал вдогонку крик кадровика:

– Проездные получишь в строевой части!

Сразу же купил билеты Владивосток – посёлок Тихоокеанский на пароход «Советский Союз». По приезде обрадовал жену, что здесь нам не жить, нашёл дыру пошире, с природой на загляденье. Встал вопрос, что делать с контейнером? Поехал в Находку и переписал маршрут моего барахла, нажитого непосильным трудом, на Камчатку, доплатив советской твёрдой деньгой.

Через неделю отправились плыть на Камчатку. Посадка на пароход «Советский Союз» напомнила эвакуацию Белой армии из Крыма в фильме «Бег». Служивые с семьями и детками возвращались из отпусков. Четырьмя днями позже мы высаживаемся на берег желанный. Очаровываемся крутыми сопками, горами, вулканами. Виды завораживают!

Встреча с родным братом по маме, Олегом. Рукопожатия – объятия. Братишка! Олежик! Брат служил в 10-й дивизии во втором экипаже на атомоходе 670 проекта. В 1970 году 20 сентября я принял присягу на верность Советскому Союзу и, как раньше, в сорок первом году, говорили – «трудовому народу». А старший брат уже имел достойную должность – заместитель командира роты на 4-м курсе, без пяти минут лейтенант.

Здесь самое время вспомнить про портфель без ручки, с которым приехал в жемчужину Приморья – Тихас. Дело в том, что, когда я отбывал на флот, тёща всучила мне буквально насильно трёхлитровую банку маринованного острого перца, сопроводив словами:

– Сынок, приготовила специально для тебя вкусняшку. Тебе, бедолаге, служить на атомных лодках, а там радиация... А мне ой как хочется внучков понянчить.

Понял, что творится в голове у мамы моей декабристки, и положил сосуд вожеления в старый портфель. Руки заняты чемоданами, а здесь ещё этот портфель в зубах, а ведь ещё в аэропортах сгружать-перегружать. Намаялся с ним. Не ближний путь от азиатского города Баку до приморского Тихаса. А тут, бляха без мухи, посадка на пароход, дикая давка перед трапом, кто плавал на т/х «Советский Союз» на Камчатку, знает, как людская масса плотно сдавливают и несёт во чрево корабля. Когда полегчало, с удивлением обнаружил, что в руке у меня лишь ручка от портфеля, а банка пропала. Как народ рассосался, пустился на поиски пропажи. Нашёл тёщин презент. Ручку прицепить обратно не получилось, портфель дальше таскал под мышкой.

У братишки Олега на квартире, когда отмечали встречу, банку открыли, предвкушая последствия. Говорят, что острый перец благотворно влияет на перец мужской. Но, откупорив желанную баночку, расстроились. Снадобье оказалось редкой безвкусной гадостью. В результате тёщина «вкусняшка» нашла достойное место на помойке.

Миновала неделя жития у брата в «коммуналке», далее – два месяца романтики с моей любимой на плавказарме. Наконец, получаю назначение в дивизию ракетноносцев проекта 667А. Возликовал! О, думаю, пароходы ещё свежие по тем временам и большие, повезло! Рано радовался.

В нашей дивизии доживали свой корабельный век две лодки проекта 658 с резервным экипажем, куда, собственно, меня и направили. Захожу на корабль, а там – бардак. Припёрся в казарму, где искреннее праздничное настроение. Ищу командира, его нет. Старпом – за старшего.

Не успел доложить как положено:

– Таищ, прибыл для дальнейшего прохождения службы. Назначен на должность начальника химической службы!

Старпом мне сразу в лоб зарядил:

– Шмотки, чемоданы распаковал?

– Нет! – говорю.

– Ну и правильно, мы скоро в Гаджиево выдвигаемся, на Северный флот предписание у нас.

А мне квартиру вне очереди пообещали, плавказарму срочно расселять собрались от семейного засилья по указанию свыше. Мда-а-а, трава и морские водоросли, без всяких океанских гадов! Но, здраво поразмыслив, согласился с судьбиной офицерской, Гаджиево – тоже неплохо, засим угомонил волнительные мысли.

Через месяц двинулись в путь: Петропавловск-Камчатский – Хабаровск – Москва. Заехал в Баку. Далее: Москва – Мурманск – Гаджиево. По ходу стремительных событий, развивающихся по принципу военно-морского маховика, чем ближе к финалу, тем стремительней он раскручивается. Опять съездил в Петропавловск и перенаправил свои шмотки на Север.

Теперь о флотском бардаке!

Поведали нам старшие товарищи, что в том достопамятном году Камчатку посетил Главком. В том числе нашу дивизию ракетносцев. Главком в целом оказался доволен, ещё бы, атомный ракетный флот – его детище. Однако немало подивился, что на двух лодках проекта 658 (старушек боевых, аж с тремя баллистическими ракетами) на Тихоокеанском флоте есть резервный экипаж, а в Гаджиево, на Северном флоте, на шести лодках – ни одного!

Заплечные борзописцы, что стояли за спиной Главкома аккуратно записали этот факт в блокнотики и приняли как руководство к действию. Так родилась гениальная директива, что на Краснознаменном Северном флоте резервный экипаж нужнее.

Такую легенду нам, по крайней мере, рассказали. Дальше – интереснее. По прибытии в Гаджиево в 18-ю дику дивизию, утром нас построил начальник штаба Юрий Пивнев (впоследствии командир дивизии, контр-адмирал). Собрал путешественников с Камчатки, чтобы поприветствовать:

– Ребята! Какого унитазного утёнка расслабляетесь? Чемоданы не распаковывайте, весной идём в Грехиху!

Что называется, приплыли! О его особенностях мы ещё в системе наслышаны. Нас этим богом проклятым местом пугали, как засранцев-детсадовцев Бармалеем!

Да, важно, за три дня до прибытия всего экипажа заслали в Грехиху парламентёров готовить встречу нас, героев.

Там сильно удивились:

– Знать ничего не знаем, и нахрен вы нам сдались? Припёрлись тут с Камчатки!

Стали разбираться, пока не нашли где-то под сукном в штабе Северного флота в Североморске указавку о передислокации.

В развороте стремительных событий сообразил предусмотрительно отправить жену в Баку к папе и маме рожать мне подобного генетического наследника с горячей осетинской кровью.

Итого. Возрастные лодки дивизии были распиханы по заводам на ремонт. В полной тишине и ясной погоде плыли мы в неизвестность. Контейнер со своими пожитками, наконец, получил и заныкал на чьей-то пустующей квартире в Гаджиево. Тогда же понял, что барахло настоящему моряку-подводнику уже никогда не пригодится.

Недолго грустил в тоске без моря, без которого жить не могу. Через месяц вызывает меня флагманский химик:

– Пи... й, то бишь иди, на пароходе «Клавдия Еланская» в Архангельск.

– Не ближний свет, двое суток по Баренцеву и по Белому морю, – размышляю вслух.

Прибыл в Северодвинск – город-красавец с отзывчивыми женщинами, по достоинству прозванный Северным Парижем. Любовные приключения – отдельная песня, пусть автор отду-

вается и описывает в подробностях, ему можно, он холостяк. Перегнали лодку в Палермо³, уж извините, с этакой чехардой забыл тактический номер. Точно помню «забор» 658-го проекта.

К концу очередного года отремонтировались и уже по весне вышли из Пала-губы. После ремонта – Североморск, болванки перегружали в губе Окольная и, радостные, скучающие по боевым походам, сиганули на мерную милю в Мотовский залив. Вот таким образом через два года моя «кругосветка» завершилась. Лодочка, ранее приписанная к 18-й дивизии, наконец, обрела место базирования. А экипаж – покой в Гремихе. И ветер нам показался не такой сильный, каких-то 25 метров в секунду, и летающие по посёлку собаки гостеприимно улыбались. Ведь не зря Гремиху называли «Город летающих собак».

Если с помощью курвиметра по карте посчитать мои передвижения по стране, то как раз примерно длина экватора и получится.

Засим оканчиваю свой рассказ. Хотя на любопытном пути происходило, как обычно, множество забавных флотских эпизодов.

³ Город Полярный.

Дуплет из Макарыча

Это рассказ о любви. Не о той, рафинированной тургеневской, о которой ты, скорее всего, подумал, мой дорогой читатель, а о самой что ни на есть плотской. Жизнь флотская многогранна, и одной из важных её сторон является не только служение Родине, но и воспроизводство грядущих поколений.

Как раз с этим порой возникают серьёзные проблемы. И не только когда муж в далёком океане. Бывает, жена – вот она, рядом, а супружеский долг отдать нет условий!

Возвращаюсь к кругосветке.

Всего сутки перелёта из Баку во Владивосток, два часа на автобусе, и ты в Тихасе. Гостиница «На пяти ветрах». Жена приютилась в пятиместном номере с такими же, как она, подругами по «счастью», я же сплю на раскладушке в коридоре, устроен только на ночь, на рассвете должен убраться на все четыре стороны.

На выходе встречаю лейтенанта, с которым несколько месяцев назад курсантами проходили стажировку. Выходим на крылечко пообщаться на животрепещущую тему – как остаться наедине с любимой в толпе народа. Он мне по-дружески советует:

– Знаешь, а я нашёл выход. Здесь в одном номере четверо гражданских специалистов, приехали с завода какой-то дефект на лодке устранять. Днём на железе пашут, в гостиницу только спать приходят. Я договорился, они мне на день ключ от номера дают. Так что у меня личная жизнь в полном порядке!

– Слушай, – спрашиваю робко, – можешь золотой ключик и мне одолжить?

– Да, без проблем! – отвечает друг и мой спаситель.

Выхватываю ключ к счастью и несусь к любимой, а у той некстати просыпается природная стеснительность, вылезают комплексы и моральные ограничения – пришлось долго улаживать, подключив авторитет главы семейства. Наконец, все барьеры сломлены, ничья честь не пострадала, мой первый интим лейтенанта в Приморье с собственной женой случился. Выходим счастливые из покоев работяг, а под дверь уже выстроилась очередь из желающих последовать нашему примеру в укромном месте! От кого прошла утечка информации – для меня до сих пор загадка. Поскольку ключ был с правом передачи, спросив разрешения владельца, отдал первой в очереди счастливой паре:

– Друзья мои, любите и размножайтесь!

Во время краткосрочного пребывания в Тихасе замечательное для офицеров и рядовое для обычных людей событие из супружеской жизни, к моему глубокому разочарованию, не повторилось. Затем последовали четверо суток в шестиместной каюте парохода «Советский Союз», которые проплыли на Камчатку (к очередному месту службы) также серо, пролив затянувшийся перерыв в близости. Наедине оставались лишь на верхней палубе, тесно прижавшись друг к другу от холода для совместного досуга – разглядывания свинцовых волн Охотского моря.

По приезде на Камчатку продолжили участие в реалити-шоу «Большой Брат», только без интима, теперь уже в коммуналке брата: в одной комнате он с женой и дочкой, я с женой, и ещё две семьи по другим комнатам малометражной трёхкомнатной квартиры. Родственные чувства смогли пройти испытание совместным проживанием лишь пару дней, пришлось в экстренном порядке искать новое место проживания. Гостиница ожидаемо оказалась забита под завязку, идти было некуда. В толпе таких же, как и я, молодых лейтенантов, ищущих ночлежку, прошёл слухок, что бездомных принимают в плавказарме, и даже с собой можно привести вторую половину. Рванул туда сломя голову, к командиру судна, без мотора:

– Тащ старший лейтенант, войдите в положение, жена и всё такое, дайте хоть какую крышу семье бездомного офицера, желательно без соседей.

Старлей с высокомерием военного, прослужившего на целых три года больше меня, посадиistically безжалостно заявил, что мест нет, да ещё и послал подальше, цинично погасив последнюю искру надежды. Спускаюсь по трапу плавучего отеля, бреду по бесконечным узким коридорам, ждать оставалось лишь чуда, которое не замедлило тут же случиться. Спасло опять случайное знакомство – без таких совпадений жизнь на флоте оказалась бы невыносимо тяжела и мучительна. Увидев знакомое лицо, подошёл, разговорились.

– Про то, что мест на этой посудине нет, старлей не врёт. На флотилию прислали столько будущих адмиралов, что всех разместить реально большая проблема. Однако всё не так печально! Пойдём-ка со мной, кое-что покажу.

Спускаемся на нижнюю палубу, заходим в двадцатипятиместный кубрик для матросов, а там, на первый взгляд, в разгаре совместная гулянка: пока ещё не распределённые по экипажам лейтенанты и их жёны маются, кто как может, от вынужденного безделья. Матросские кубрики на ПКЗ интересно устроены: на одной половине стоят несколько длинных столов для досуга и приёма пищи, а на другой половине – ячейки на четыре двухъярусных койки. На нижних ярусах обитают жёны, на верхних – их мужья. Перегородками для сокрытия частной жизни в ячейках служили либо простынь, либо одеяло. Все ячейки ожидаемо оказались занятыми, а вот койки ближе к обеденным столам, которые ничем не прикроешь, популярностью не пользовались и были, к моему счастью, свободны.

– Друг, удача – твоё второе имя, занимай!

– Без разрешения? – тогда я ещё не успел взрастить в себе здоровую флотскую наглость, подкреплённую нахальством.

– Да ты посмотри, какая толпа народа здесь шляется, разве всех упомнишь? Занимай, не робей! Главное – сделать это вовремя, потом на улицу уже не выгонят!

Под покровом ночи, втихаря, как тати, поселились в плавучей общаге, приобретя статус «нелегалов». Жена тряслась от страха рядом. На пару ожидали позорного разоблачения и боялись изгнания из плавучей трущобы.

Первые сутки в трюме ПКЗ стали незабываемыми! Ближе к ночи молодёжь потихоньку распозлзлась по своим углам и замерла, потушили свет. На какое-то время воцарилась тишина. Вдруг в дальнем углу кто-то перевернулся с одного на другой бок, и предательски скрипнула сетка кровати. Это послужило своего рода сигналом, и в ответ на случайный скрип, как по команде, дружно заскрипели пружины всех остальных кроватей, наполнив матросский кубрик звуками интимной жизни. Мы с испуга затаились, как две мыши, и никак не могли уснуть, не решаясь присоединиться к интимному строю плохо сдерживаемых стонов и характерных звуков. На вторую ночь ритуал в трюме ПКЗ повторился, но теперь, привыкнув к обстановке, мы с женой уже крепко спали.

Так продолжалось неделю, пока в очередной раз, придя вечером со службы, не узнал от благоверной последние новости плавучего дома:

– Утром приходили какие-то чины, сказали, что офицерские семьи расселяют по каютам, освобождая место для матросов экипажа.

Сведения жены оказались точны – для нас отыскалась четырёхместная каюта. В соседях оказались старлей, служивший на «букахе»⁴ с женой – интеллигентная, правда, не уверен в каком поколении, ленинградская пара. Моральные устои новых соседей оказались так же крепки, как и наши, поэтому зажили мы дружной семьёй, продолжив, не сговариваясь, совместное воздержание.

Шли дни. Неуёмная плотская природа настойчиво хотела взять своё. Однажды жена по секрету намекнула, что каждое утро соседка с подружкой уходят в посёлок по своим делам и бродят до обеда. Намотав ценную информацию на ус, я начал поджидать удобного момента.

⁴ Лодка проекта 667Б

В ту пору меня прикомандировали к одному из экипажей 8-й дивизии и, чтобы не умирал от скуки, через день отправляли «под ремень». Вариантов было всего два: либо сутки бродить по посёлку с двумя матросами и «Макарычем»⁵ на боку, либо бдеть дежурство на комбинате питания флотилии.

Наконец, воздержание припёрло с особой силой, доставляя массу беспокойства. Сменившись в 9 утра в комендатуре, решил: «Сейчас или никогда». Сдавать пистолет в казарму не пошёл – время поджимало. «Какая разница, сейчас или перед обедом. Меня, временного нахлебника, никто не ждёт». Сторая от любовного томления, я сайгаком прыгал к любимой в плавучий альков. Всё оказалось в точности по женскому докладу: соседки не было, муж отсутствовал на службе.

Я начал быстро разоблачаться. Но здесь произошла заминка – куда пристроить пистолет, оружие всё же, мало ли что! Недолго думая, сунул «Макарыча» жене под подушку, а сам забрался к ней, ещё тёпленькой ото сна, под одеяло. Звёзды сошлись в то утро, и таинство у нас случилось во второй раз с начала офицерской жизни, причём с далеко идущими последствиями, о которых я узнал через два месяца.

Через несколько дней меня перевели на Север, поэтому те мгновенья семейного счастья оказались нам прощальным камчатским подарком судьбы, о котором я вспоминал ночами во время двухмесячного путешествия на другой конец страны.

Началась служба в Заполярье – мурманские углы всех коммуналок в радиусе километра от Морвокзала, тяжело проходивший токсикоз жены, совершенно истощавший её хрупкий молодой организм. Тогда-то и стало ясно, что «бриллиант любви» зачат тем памятным утром в железной банке плавказармы.

На этом можно было бы и закончить рассказ, если бы не один существенный нюанс, который выяснился чуть позже.

Жену я отправил рожать в человеческие условия, домой, в тёплый и солнечный Баку. До приобретения статуса отца оставались считанные дни, когда меня отправили из Грехихи в командировку в Северодвинск, откуда дал телеграмму жене, чтоб писала на главпочтамт до востребования. Был конец июля, я поселился в доме у мичмана Виктора, семья которого уехала на Большую землю. В самом разгаре были олимпийские летние игры в Монреале. Мы с Витей часов до трёх ночи смотрели соревнования, а к восьми спешили на подъём флага, хронически не высыпались. Мичман, к тому же, у старпома был за машинистку – строчил приказы как из пулемёта, двумя пальцами.

Подхожу к старпому:

– Тащ капитан второго ранга, срочно нужно в тыл, проверить обеспечение химимуществом, и мне нужен в качестве сопровождающего мичман.

Старпом дал добро, а мы двинули домой на лечебный сон. По дороге взяли бутылочку сухого в качестве снотворного. Пришли, быстро приняли лекарство и завалились спать. И тут снится мне сон, что получаю красочную телеграмму с текстом такого содержания: «Поздравляем Днём рождения сына и дочери = целуем = папа мама». Проснувшись от странного сновидения, делюсь впечатлениями от пережитого, а мичман весело так говорит:

– Так это сон в руку!

Вернулись в экипаж. Я было начал слоняться по казарме, но, вспомнив сон, в конце концов не выдержал и рванул в город:

– Я на главпочтамт!

На почте женщина, покопавшись в ящичке, протянула сложенную вчетверо телеграмму. Я обомлел на месте. Текст один в один, как во сне – двойня! Разница лишь в том, что во сне была цветная открытка с текстом, а здесь обычный почтовый бланк.

⁵ Пистолет Макарова

От совпадения такого я даже выругался смачно, за что удостоился осуждающего взгляда. Мне же показалось, что это продолжение дневного виденья. Возвращаюсь, подхожу к мичману:

– Сон мой сегодняшней помнишь? Держи, читай!

Тут настала очередь обомлеть Виктору.

– В самом деле, вещий сон! Обалдеть! Такое срочно полагается обмыть!

Телеграмму ту я сохранил, она и ныне хранится как напоминание о замечательном событии однажды утром, в плавказарме, во флотском прошлом. Сейчас двойняшкам тем уже по сорок пять – сын и дочь.

Вот так, в стеснённых условиях, дуплетом из «Макарыча» сотворилась новая жизнь сразу двух людей!

Контейнер

Люблю путешествовать! Иногда приезжаю в Севастополь – город воинской славы. Как приятно на скромной даче, в тени виноградной лозы с товарищем вспомнить небылицы – обычные случаи из боевого прошлого.

Слава КГДУ (командир группы дистанционного управления, на атомоходе управляет ядерным реактором) получил лейтенантские погоны в самой Голландии⁶.

Предписание – служить в Западной Лице, но контейнерной станции там нет, поэтому отправил контейнер со скарбом из Севастополя в Мурманск, указав воинскую часть, куда сообщить о прибытии личного имущества.

И радостный такой уехал к месту назначения. Служба в удовольствие – то, что надо для настоящего мужчины. Первый в 3-й дивизии подводных лодок сдал на допуск к самостоятельному управлению первичной должностью. Из морей не вылезает. Уже участвовал в эпическом походе, в котором и супостата уничтожили, и норвежского рыбака до кучи, скажем так, почти утопили.

Полгода служит лейтенант, вдруг его в дивизию вызывают:

– Что вы себе позволяете! Нас контейнерная завалила письмами, угрожают ВМФ разорить.

– А я и забыл совсем, – вспомнил Слава, – отправил барахло: железную кровать с металлическими пружинами, обшарпанный стол и четыре стула, один – без ножки. Зачем отправил? Ума не приложу.

– Значит так, поезжайте в Мурманск, заберите уже свой контейнер, там за хранение надо будет заплатить за полгода, сумма немалая накапала.

Пришёл в экипаж, поделился возникшей, как сейчас говорят, «логистической проблемой» со старшими товарищами:

– Что делать?

Проинструктировали и дали шила три литра, сопроводив доводом:

– Денег не плати – у тебя жидкая валюта.

Приехал в Мурманск на Нижнее Ростинское шоссе, на контейнерную, а там очередь. Генералы, полковники и подполковники своё барахлишко получают. Провёл разведку боем, нашёл работягу в фуфайке, налил полстакана шила, познакомился с профессионалом Петей:

– Петя, братишка, объясни мне, что к чему, как побыстрее контейнер свой получить? Тут очередь как в Мавзолей, а мне Родине служить, завтра выход в море на передовые рубежи. Времени ваще нету.

– Решим, – Пётр внимательно посмотрел документы, – пойду искать твой контейнер, а ты иди в управу в 204-й кабинет, от них виза нужна, что всё оплачено, – шмыгнул сопаткой, – потом ещё полстаканчика нальёшь.

Метнулся Слава по означенному адресу к барышням, удивился, конечно, таких больших размеров аппетитных попок никогда не видел.

Одна из обладательниц узкой специализации и широких возможностей провозглашает:

– Вам надо заплатить в трёхкратном размере за хранение.

С геройски важным видом предъявил документ за подписью помощника командира и печатью воинской части (старшие товарищи выдали железобетонную справку), где чёрным по белому написано: «Лейтенант Слава получить контейнер не имел физиологической и чудотворной возможности, был в секретном автономном подводном плавании».

⁶ Название Севастопольского Высшего Военно-Морского Инженерного училища (СВВМИУ), располагавшегося на восточном склоне балки Голландия.

Барышни симпатичных округлых форм и высших образований лишь посмеялись:

– Да вы хоть в космос летайте, за хранение контейнера необходимо заплатить.

Договорились за литр шила, что отдадутся бесплатно и контейнер до кучи выдадут. Любезные отправили на проходную выписать пропуск на машину, без которого контейнер не получить.

Бежит Слава рысью на проходную, а про себя думает: «Да услышат меня неопытные лейтенанты, никогда не отправляйте контейнер к месту службы, пока не дослужитесь до адмиралов».

На проходной за стакан жидкой валюты получает заветный пропуск – и дальше, на склад, с мыслями: «Боже, прости грешного. И зачем мне была нужна эта железная кровать?»

Находит на складе Петю, который никогда на работе не пьянеет, потому как человек ответственный. Пётр показал контейнер, а тот без замка и пломбы. Открывают и...

Слава кричит от счастья:

– О, провиденье! Меня творец услышал!

Контейнер оказался пустой! Слава понял: «Настал мой час, за вывернутого наизнанку папку девочкам несдобровать».

Неспешно радостный перекурил и, торжествуя, медленно двинулся в 204-й кабинет, ладно за подводников, а вот за космонавтов – точно ответят!

Добрые красавицы, румяные, как в русских народных сказках, долго оправдывались. Слава молча выслушал, потом выдал:

– Видите ли, в чём тут дело, уважаемые дамы, имущество контейнера, нажитое непосильным трудом, застраховано на пять тысяч советских рублей.

В то время – это ж целое состояние!

Румянец с лиц русских красавиц исчез. Догадались – теперь их удел решать проблему.

Достали из сейфа пять бутылок коньяка «Пять звёздочек»:

– Распишитесь, что контейнер получили, иначе нам до конца жизни не рассчитаться.

Слава пощадил русских красавиц и их очаровательные мягкие игрушки, расписался, где попросили, и убыл в Западную Лицу. Вернул старшим товарищам оставшееся шило, всё почестному, и четыре бутылки коньяка – одну себе оставил. Не зря в Мурманск съездил!

Самое весёлое, что история с контейнером имела продолжение.

Через месяц Славу опять вызывают в штаб.

– Лейтенант, ты достал вконец и на конце! Когда контейнер заберёшь? Они пишут и пишут. Решай проблему!

Посоветовался со старшими товарищами, и те решили на контейнерную отправить письмо за подписью помощника командира и печатью воинской части такого содержания: «Уважаемая контейнерная станция г. Мурманска! У лейтенанта Славы нет физической возможности забрать контейнер. Он героически погиб, выполняя секретное государственное задание. Вечная память Герою!»

С той поры писем с контейнерной станции не поступало, даже об искреннем соболезновании. А Слава и сейчас живее всех живых в тенёчке под своим крымским виноградником.

Край летающих собак

Гремиха, как известно, «край летающих собак». Кто и когда негласно этот ярлык наклеил, никто не знает. Но, в принципе, определение точное. Рассказывали старожилы, что в начале славных дел натягивали канаты между домами, чтобы не уносило ветром при перемещении, а жёны моряков вязали «намордники». Глаза защищали мотоциклетными или горнолыжными очками от ожогов холодом и колючего снега в «чёрные метели».

Но вернёмся к нашим собакам! В новом посёлке Островном, что располагался близ причалов подводных кораблей, не припомню не то что летающих, а просто собак – может, прятались где, не знаю. А вот в старом посёлке Гремихе, куда приходил теплоход на плавпричал, встречались. Предполагаю, что зимой в подвалах обитали, а вот летом тепло и ветра не такие злые, дворянки появлялись, инстинкт размножения мощно их гнал на улицу.

Сию как-то на «губе». За что и почему – это другая интересная история. Мирно беседу с сокамерниками возле ворот, на солнышке. Летнее солнце скупое и редко балует теплом и хорошей погодой. А тут – просто подарок судьбы. «Губа», по легенде, – мрачное место, где в гражданскую интервенты гноили пленных большевиков. Низкие потолки таких же приземистых домиков заставляли ощущать себя как в конуре. Едва можно подняться в полный рост, к тому же тут ещё и крысиный заповедник.

Начальник «губы», весёлый старлей из «пиджаков», историк по образованию, хороший знаток древних сказаний, замечательный рассказчик, заканчивал очередную лекцию:

– После Октябрьской революции и начала Интервенции в Йоканьге (в 1918—1920 годах) истинные сатрапы, бациллы демократии с человеческим лицом, англичане и французы построили бараки и землянки, таким образом, создали Йоканьгскую каторжную тюрьму, которая особо выделялась среди других тяжёлыми условиями содержания. Карцером была яма в гранитной скале под открытым небом. «Госпиталем» назывался ледяной морг, куда относили заболевших, чтобы они быстрее «отдали Богу душу и ушли в мир иной». Всего в Йоканьгской каторге содержалось более тысячи человек.

Мы вместе перекурили, помолчали, и начальник гауптвахты продолжил:

– Вы сидите на «губе», как у тётки за пазухой, или у Творца на блинах, а каторжанам, жертвам интервенции, невыносимо тяжело пришлось. В ноябре 1927 года по проекту архитектора Давыдова на месте барачной каторжной тюрьмы воздвигнут памятник «Жертвам интервенции». Из огромных валунов сложили подобие тюрьмы с решетчатыми окнами. Установили мраморный обелиск с высеченными словами скорби и памяти на русском, английском, французском и немецком языках: «Жертвам интервенции вечная память. 1918—1920 год». По периметру памятника захоронения. Жуть, двести черепов погибших узников каторжной тюрьмы – концлагеря смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.